

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

**Владимир Гельман,
Анастасия Обыденкова**

**Изобретение «наследия
прошлого»: стратегическое
использование «хорошего
Советского Союза»
в современной России**

Препринт М-92/22

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2022

Г32 Гельман В. Я., Обыденкова А. В.

Изобретение «наследия прошлого»: стратегическое использование «хорошего Советского Союза» в современной России / Владимир Гельман ; Анастасия Обыденкова : Препринт М-92/22. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. — 36 с. — (Серия препринтов; М-92/22; Центр исследований модернизации).

Российские элиты инвестировали немалые усилия и ресурсы в преднамеренное продвижение с помощью различных средств того комплекса идей и представлений, который обозначен как «хороший Советский Союз». Он предполагает воображаемый общественно-политический и экономический порядок, отчасти напоминающий позднесоветское прошлое, но лишенный имманентно присущих ему изъянов. Элементы советского «наследия» были селективно отобраны в целях поддержания нынешнего статус-кво. Они включают в себя иерархический механизм государственного управления, низкую циркуляцию элит и их привилегированный статус, государственный контроль над ключевыми средствами массовой информации, репрессии по отношению к инакомыслящим и др. Вместе с тем такие элементы позднесоветского прошлого, как низкий уровень неравенства и государственные социальные гарантии, были исключены из меню «наследия». Модель «хорошего Советского Союза» включала в себя не только рыночную экономику и отсутствие дефицита, но и отсутствие институциональных ограничений для извлечения ренты и легализации статуса и богатства элит. Мы рассматриваем «хороший Советский Союз» как социально сконструированное «наследие прошлого» и уделяем основное внимание механизмам его трансляции в текущую российскую повестку дня. Мы также рассматриваем ограничения этих стратегий российских элит и обсуждаем в заключении работы эффекты социального конструирования «советского наследия».

Информация об авторах:

Владимир Яковлевич Гельман (vgelman@eu.spb.ru) — кандидат политических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и университета Хельсинки.

Анастасия Викторовна Обыденкова (anastassia.obydenkova@uu.se) — PhD, Associate Professor, Uppsala University, Sweden.

Введение: вариации «наследия прошлого»

Спустя более трех десятилетий после распада СССР среди специалистов, изучающих посткоммунистические страны, сложился консенсус в отношении негативного воздействия «наследия» коммунизма на многие политические, экономические и социальные процессы в России, Восточной Европе и Евразии (Beissinger, Kotkin, 2014; Libman, Obydenkova, 2021; Nazarov, Obydenkova, 2021). Десятилетия коммунистического правления внесли свой вклад в многочисленные пороки посткоммунистического периода, начиная от коррупции (Libman, Obydenkova 2013; Obydenkova, Libman, 2015) и низкого институционального доверия до социального неравенства, ухудшения здоровья граждан (Iman, Nazarov, Obydenkova, 2022) и неэффективности государственного управления (Huskey, 2014). Однако причинно-следственные механизмы трансляции этого «наследия» в текущую повестку дня посткоммунистических стран и его эффекты с точки зрения масштаба и продолжительности влияния «наследия» на текущие процессы по-прежнему остаются недостаточно изученными и осмысленными. Если вслед за Стивеном Коткиным и Марком Бейссинджером рассматривать «наследие прошлого» как «продолжительную каузальную взаимосвязь между прежними институтами и политическими курсами и последующими практиками и убеждениями, намного превышающую длительность существования тех режимов, институтов и политических курсов, которые их породили» (Kotkin, Beissinger, 2014: 7), то неизбежно встает вопрос о логике преемственности. Почему одни виды «наследия» влияют сильнее, чем другие, и как именно прошлое оказывает воздействие на настоящее и будущее?

Недавние исследования демонстрируют, что определенные механизмы влияния «наследия» коммунистического прошлого и его преемственность во многом зависят от природы тех или иных видов «наследия». Во-первых, следует говорить о *материальном* «наследии», которое стало побочным эффектом социально-экономического развития коммунистического периода. Например, материальное «наследие» политики

размещения производительных сил в рамках советской экономики повлекло за собой перемещение ряда предприятий и целых городов в отдаленные и холодные регионы России. Следствием этого стали многочисленные энергетические и транспортные издержки, которые продолжают служить серьезным бременем для российской экономики и в постсоветский период (Gaddy, 2014). Сходным образом «наследие» прежних внешнеэкономических связей и торговли с теми или иными странами в постсоветских государствах остается значимым и порой усиливается со временем, таким образом внося вклад в консолидацию авторитаризма в постсоветской Евразии (Obydenkova, Libman 2012). Во-вторых, важную роль играет *организационное* «наследие» многих государственных организаций и учреждений: прежние рутины и практики управления, сформировавшиеся еще в коммунистический период, были адаптированы к постсоветским условиям, позволяя их руководителям преследовать собственные интересы в меняющейся среде. Примеры таких практик включают в себя организацию работы государственного аппарата (Huskey, 2014), функционирование судов (Trochev, 2014) и полиции (Taylor, 2014) в странах постсоветской Евразии — они репродуцируют многие пороки, десятилетиями складывавшиеся в рамках коммунистического периода, и усугубляют проблемы принципал-агентских отношений в первой четверти XXI века (Paneyakh, 2014). В-третьих, для ряда постсоветских государств весьма значимо *кадровое* «наследие» на уровне элит, поскольку выходцы из среды прежней коммунистической номенклатуры по сей день продолжают занимать властные позиции в российском истеблишменте (Snegovaya, Petrov, 2022) и закрепили прежние практики неэффективного управления в соответствующих сферах. В известном смысле даже межпоколенческие сдвиги в составе чиновничества в таких условиях оказываются недостаточны для преодоления этого «наследия», поскольку культура коррупции, унаследованная из прошлого, может со временем передаваться от прежних коммунистических бюрократов к их более молодым преемникам (Obydenkova, Libman, 2015: 328–330). В-четвертых, речь идет о «наследии» *социализации* в период коммунистических режимов, которая оказала большое влияние на идеи и представления граждан посткоммунистических стран в части их установок по отношению к демократии, рыночной экономике, социальной политике и правам человека. Согласно данным массовых опросов, эффекты социализации в коммунистический период оказались ключевой переменной, объясняющей различия установок и поведения среди жителей стран Восточной Европы (Pop-Eleches, Tucker, 2017).

Механизмы трансляции всех видов «наследия» в текущую повестку дня, так же как и их преемственность и продолжительность влияния, очень сильно варьируются во времени и в пространстве. Однако общей характеристикой всех видов «наследия» является их структурная основа. Иными словами, несмотря на серьезные различия материального, организационного, кадрового «наследия», а также «наследия» социализации, все они рассматриваются как явления, сформировавшиеся за десятилетия коммунистического господства и воздействующие в современную эпоху примерно так же, как наследственное заболевание, которое транслируется от одного поколения к другому и иногда может (или не может) быть преодолено лишь в ходе длительного лечения с помощью тех или иных средств медицины. Однако «наследие», как и многие другие социальные феномены, такие как класс, этничность, нация или гендер, может рассматриваться не только как побочный продукт прежних условий и процессов: оно также может культивироваться и развиваться в ходе социального конструирования, которое мы обозначаем как «изобретение наследия», подобное «изобретению традиции» (Hobsbawm, Ranger, 1983). Элиты могут целенаправленно создавать и поддерживать определенные представления о прошлом (включая и коммунистический период) не только для символической политики памяти (Bernhard, Kubik, 2014), но и с целью легитимации своего господства посредством конструирования тех или иных примеров для подражания и навязывания тех или иных образцов поведения. В этом плане различные виды «наследия» могут рассматриваться как явления, которые не обязательно отражают реальные примеры прежних институтов и практик, но, скорее, как феномены, которые селективно отбираются, интерпретируются и продвигаются элитами в своих собственных интересах. Элиты способны изобретать воображаемое прошлое в качестве нормативного идеала и использовать его как орудие в текущей политической борьбе. Лозунг “make America great again!”, с помощью которого Дональд Трамп в ходе президентской кампании 2016 года успешно проецировал на современную Америку «потерянный рай» образца 1950-х годов, может служить иллюстрацией такого рода изобретенного «наследия прошлого». Если же говорить о коммунистическом «наследии», то такой созданный элитами социальный конструкт предполагает конвертацию определенных специально подобранных элементов реального и/или воображаемого прошлого в качестве перспективных примеров для подражания и нормативных образцов поведения как для элит, так и для масс. Продолжая медицинские параллели, можно анализировать такого рода социальное

конструирование «наследия прошлого» как эквивалент намеренного отравления элитами современных обществ путем воспроизводства устаревших представлений, несовместимых с меняющейся глобальной повесткой дня и контрпродуктивных для дальнейшего развития этих обществ.

В рамках этой работы, мы анализируем изобретение «наследия» «хорошего Советского Союза» в современной России. В первые два десятилетия XXI века российские руководители инвестировали немалые усилия в преднамеренное продвижение комплекса представлений, который может быть обозначен как «хороший Советский Союз» — воображаемый общественно-политический и экономический порядок, отчасти напоминающий позднесоветское прошлое, но лишенный имманентно присущих ему изъянов. Эти представления формируют основу сформированного элитными акторами *идейного* «наследия», которое выступает примером для подражания в современной России. Мы рассматриваем механизмы трансляции этого «наследия» в текущую российскую повестку дня и влияние идейного «наследия» на поддержание статус-кво внутри страны. Мы иллюстрируем эти аргументы, рассматривая влияние представлений о «хорошем Советском Союзе» на приоритеты российских элит в части выработки политического курса и их роль в качестве инструмента индоктринации в современном российском кинематографе. Некоторые выводы в отношении изобретения «наследия прошлого» в России и за ее пределами обсуждаются в заключении работы.

«Хороший Советский Союз»: конструирование «наследия прошлого»

Как минимум до начала российской военной спецоперации в Украине, начатой в феврале 2022 года, значительная часть россиян рассматривала позднесоветский общественно-политический и экономический порядок как пример для подражания современной России. По данным всероссийского массового опроса, проведенного Левада-центром <<вне-сен в список НКО-иноагентов>> в августе 2021 года, 49 % респондентов рассматривали советскую политическую систему как наиболее желательный вариант для страны (наивысший показатель с 1992 года), в то время как 18 % предпочитали современную политическую систему, а 16 % — демократию западного образца. Для сравнения: по данным аналогично опроса, проведенного в январе 2012 года, соответствующая доля сто-

ронников как советской системы, так и западной модели составляла по 29 %, а доля сторонников современной политической системы — 20 %. Согласно тому же массовому опросу 2021 года, доля респондентов, предпочитавших централизованную плановую экономику и государственное распределение, достигла наивысшей за все время наблюдений отметки 62 %, в то время как общественная поддержка рыночной экономики составила 24 % (в опросе 2012 года соответствующие показатели говорили о том, что 49 % респондентов являлись этатистами, а 36 % — сторонниками рыночной экономики). Однако распределение этих предпочтений по возрастным группам было крайне неравномерным. Хотя среди россиян старше 55 лет в 2021 году преобладала поддержка советской политической системы по сравнению с современным политическим устройством и демократией западного образца (62 % против 14 % и 9 % соответственно), их молодые соотечественники в возрасте 18–24 лет, скорее, предпочитали демократию западного образца по сравнению как с советской, так и с современной политической системами (32 % против 30 % и 20 % соответственно) (Левада-центр, 2021).

Почему россияне столь высоко ценят советский политический и экономический строй? Другая серия опросов Левада-центра демонстрирует оценки определенных характеристик Советского Союза респондентами. По данным массового опроса, проведенного в мае 2019 года, 59 % респондентов упомянули «заботу государства о простых людях» (в аналогичном опросе 2008 года таковых было 29 %), 43 % респондентов назвали «успешное развитие экономики, отсутствие безработицы» (31 % в опросе 2008 года), 39 % верили в «постоянное улучшение жизни людей» (14 % в опросе 2008 года) и 31 % — в «самую передовую в мире науку и культуру» (21 % в опросе 2008 года). В то же время о «направляющей роли коммунистической партии» вспомнили лишь 29 % респондентов (43 % в опросе 2008 года), а очереди и дефицит остались в памяти лишь 24 % респондентов (в опросе 2008 года таковых было 42 %). Хотя в рамках опроса 2019 года возрастная дифференциация ответов респондентов носила не слишком контрастный характер, однако можно утверждать, что россияне старше 55 лет в целом были менее критичны по отношению к отдельным характеристикам советской системы, нежели их более молодые соотечественники (Пипия, 2019). Можно прийти к выводу, что со временем россияне стали выше ценить (скромные) социальные гарантии советского периода и обращать куда меньше внимания на многочисленные проблемы Советского Союза. Во многих отношениях, однако, эти массовые установки и представления россиян не

слишком отличались от тенденций в посткоммунистических странах Восточной Европы, которые были объяснены исследователями с помощью «наследия» социализации (Pop-Eleches, Tucker, 2017) — по меньшей мере ностальгические представления россиян и восточноевропейцев о социальных гарантиях коммунистического периода, в особенности среди респондентов старших возрастов, не сильно различаются между собой.

Однако картина выглядит совершенно иной, если мы обратимся к представлениям российских элит, которые были проанализированы в рамках проекта Survey of Russian Elites — масштабного исследования, включавшего в себя серию опросов внешнеполитических элит России, которые проводились в период с 1993 по 2020 год (Rivera, 2020). Доля сторонников советской политической системы среди элит в 2020 году едва превышала 20 % респондентов (N=245), в то время как 44 % респондентов предпочитали современную систему, а 24 % высказывались в пользу демократии западного образца. В отличие от тенденций массовых предпочтений, которые демонстрировали рост поддержки советской политической системы со временем, предпочтения элит развивались в ином направлении. В опросе элит 2008 года 43 % респондентов высказывались в пользу советской модели как наилучшего варианта для России. Вместе с тем российские элиты предпочитали экономический этатизм и в этом отношении не сильно отличались от многих россиян. В 2020 году 55 % респондентов в ходе опроса элит высказывались в пользу государственной собственности в тяжелой индустрии, и эта доля оставалась высокой на протяжении довольно длительного времени (в опросе элит 2008 года она составила 68 %).

Как демонстрируют многочисленные исследования, именно российские элиты выступают в роли драйверов этих представлений, в то время как рядовые российские граждане, скорее, оказываются их трансляторами и реципиентами. Так, исследования внешнеполитических установок российских элит и граждан показали, что антиамериканские и антизападные представления в 1990-е и 2000-е годы сперва возникали в среде элит и лишь позднее транслировались на уровень массового восприятия посредством разного рода «кремлевских сигналов» (“Kremlin Cues”) (Sokolov et al., 2018; Buckley, Tucker, 2019). Аналогичным образом исследования подъема этнического национализма в российских республиках в 1990-е годы также демонстрировали ключевую роль представителей элит, конструировавших различные обиды (*grievances*) и выступавших в качестве этнических предпринимателей (Gorenburg,

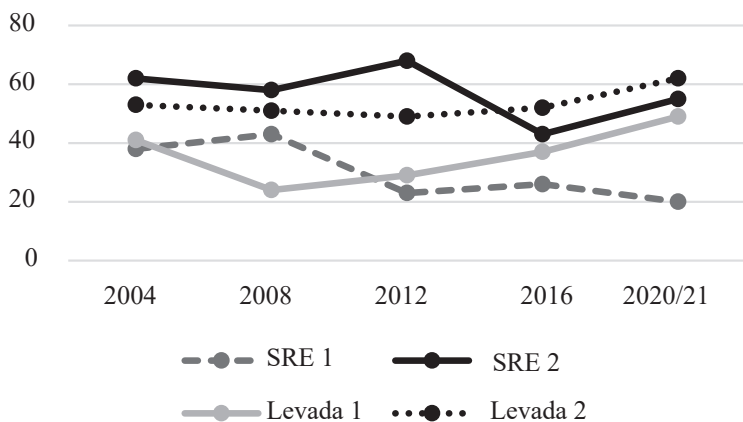

Рис. 1. Предпочтения советской политической и экономической системы среди российских элит (SRE) и граждан (Левада-центр), 2004–2020/21, % респондентов

SRE 1 — согласны с утверждением «советская политическая система наиболее пригодна для России», N=245.

SRE 2 — согласны с утверждением «вся тяжелая промышленность должна принадлежать государству», N=245.

Levada 1 — дали ответ «советская система» на вопрос «Какая политическая система кажется Вам лучшей?» (варианты: «нынешняя система», «демократия по образцу западных стран», другое), N=1600.

Levada 2 — дали ответ «та, которая построена на государственном планировании и распределении» на вопрос «Какая экономическая система кажется Вам более правильной?», N=1600.

Источники: Rivera (2020), Левада-центр (2021).

2003; Giuliano, 2011). Можно предположить схожую логику воздействия российских элит и на процесс конструирования массовой поддержки советской политической и экономической системы в современной России. Мы утверждаем, что российские элиты стремятся к созданию и поддержанию комплекса массовых представлений о «хорошем Советском Союзе» во имя сохранения внутривнутриполитического статус-кво и обеспечения собственной власти. Исходя из этой перспективы, последние десятилетия Советского Союза, которые главным образом ассоциируются с периодом правления Никиты Хрущева (1953–1964) и Леонида Брежнева (1964–1982), проецируются на современную Россию как воображаемый

«золотой век» внутривосточной стабильности, экономического роста (несмотря на его снижение со временем), повышения уровня жизни и растущего международного влияния. Хотя на более длительной дистанции этот период отечественной истории усугублял многочисленные пороки советской системы и сыграл немалую роль в ее последующем крахе (Gaidar, 2007), как российские элиты, так и граждане страны хотели бы восстановить определенные элементы этого «золотого века» в XXI веке и пойти по пути “make Russia great again”, независимо от того, какой смысл вкладывается ими в это якобы утраченное величие. Восстановление славного прошлого и его проекция в будущее, на первый взгляд, выглядели приемлемым решением многих текущих проблем в глазах немалой части россиян. На деле ретроспективные представления едва ли продуктивны для поиска ответов на современные вызовы: скорее, они могут лишь закрепить устаревшие институты и практики, вместо того чтобы стимулировать значимые инновации. Однако российские элиты, которые выступали за «цементирование» российского внутривосточного и экономического статус-кво любой ценой настолько долго, насколько это возможно (Gel'man, 2021), предпочитали неподвижность страны, с одной стороны, и массовый эскапизм — с другой.

В то время как основанное на анализе данных эмпирическое исследование этих процессов остается за рамками настоящей работы, следует принять во внимание различия российских элит и масс в плане как динамики, так и содержания их предпочтений. Если российские элиты сменили одобрение советской политической системы на растущую поддержку статус-кво, то массовая поддержка политического статус-кво снизилась после 2008 года, когда она находилась на пике (36 % респондентов). Также ностальгические оценки «советской системы» воспринимались элитами и массами совершенно в разном отношении. В то время как рядовые россияне со временем все более высоко ценили относительно высокий уровень жизни и социальные гарантии по сравнению с международным влиянием страны и ее военной мощью (Левада-центр, 2021), элиты обращали основное внимание именно на глобальный статус и военный потенциал (Rivera, 2020). И даже экономический этатизм, будучи общим предпочтением для элит и для масс, воспринимался ими отнюдь не одинаково. Российские граждане, активно поддерживая национализацию приватизированных предприятий (Frye, 2017), главным образом концентрировались на государственном патернализме как возможном источнике более высоких зарплат и социальных гарантий, в то время как элиты рассматривали государственный контроль над ключе-

выми активами, прежде всего, как инструмент для извлечения ренты (Gel'man, 2016; Yakovlev, 2021).

Разрыв между предложением «хорошего Советского Союза» со стороны элит и спросом на него со стороны масс создавал довольно противоречивые условия для формирования идейного «наследия прошлого». «Хороший Советский Союз», сконструированный российскими элитами, представлял собой воображаемый политико-экономический порядок, который отчасти напоминал советское прошлое, будучи лишен имманентно присущих ему недостатков, но на деле имел мало общего с реальным опытом позднего СССР. Мы полагаем, что эти элементы советского «наследия прошлого» были намеренно выборочно отобраны в целях максимизации власти и ренты российскими правящими группами. Они включают в себя жесткую иерархию управления («вертикаль власти»), «стабильность кадров» на всех уровнях власти, предполагающую низкую ротацию элит, весьма закрытый бассейн их рекрутирования и формальный и неформальный привилегированный статус, государственный контроль над ключевыми средствами массовой информации, а также селективные репрессии со стороны государства по отношению к инакомыслящим. Вместе с тем некоторые другие элементы позднесоветского политико-экономического порядка, такие как относительно низкий уровень неравенства и определенные социальные гарантии для граждан со стороны государства, были сознательно исключены из меню опций без значимого сопротивления. Кроме того, «хороший Советский Союз» предполагал и те элементы, которые отнюдь не были характерны для позднего СССР, но включены в его меню опций. Для граждан этот политико-экономический порядок предполагал наличие рыночной экономики и отсутствие дефицита товаров и услуг, а для элит — отсутствие институциональных ограничений для извлечения ренты и наличие внешнего интерфейса для легализации доходов и статуса за рубежом для себя и для членов семей (после февраля 2022 года сохранение этого интерфейса, однако, оказалось более чем проблематичным).

Элиты не только конструировали «хороший Советский Союз», но и пытались превратить его в нормативный идеал и изобретенный ими образец для подражания в современной России, используя различные средства индоктринации. Парадоксальным образом разрыв между массовым спросом и элитным предложением «хорошего Советского Союза» сам по себе выступал средством поддержания внутривнутриполитического статус-кво. Этот разрыв вносил свой вклад в ностальгические эскапистские представления россиян о возможном возврате “back in the USSR”,

тем самым снижая их стремление к поиску иных возможных альтернатив сохранению статус-кво. Неудивительно, что Кремль успешно использовал эти представления в пропагандистских целях, представляя любые иные альтернативы воображаемому возврату в советское прошлое как рискованные и явно нежелательные варианты и тем самым укрепляя опасения россиян в вероятности повторения травматического опыта «лихих 1990-х» (Malinova, 2021). Таким образом, нарратив «хорошего Советского Союза» служил целям легитимации существовавшего в России политического режима.

Между тем не стоит рассматривать «хороший Советский Союз» исключительно как нарратив, служивший целям пропаганды. Кремль также стремился конвертировать идейное «наследие» «хорошего Советского Союза» в текущую повестку дня, пытаясь использовать как реальные, так и воображаемые советские рецепты как средство решения многочисленных постсоветских проблем. Использование советского идейного «наследия» как оснований для постсоветского институционального строительства и механизмов государственного управления вносило свой вклад в закрепление этого социального конструкта как основания для принятия значимых решений и ориентира при выборе вариантов. Примеры такого рода включают в себя трансформацию управленческих структур и практики работы государственного аппарата после распада СССР (Huskey, 2014) и механизмы контроля и подотчетности в правоохранительных органах (Taylor, 2014; Paneyakh, 2014): в обоих случаях речь шла об опоре на использование отживших свой век институтов и организаций советского периода, что вносило значительный вклад в неэффективность управления. Этот подход затруднял выработку нового политического курса, поскольку в принципе не предполагал успешной реорганизации бюрократии и изменений ее мотивации (Волков и др., 2013). Поэтому «хороший Советский Союз» в качестве нормативного идеала не создавал стимулов для развития страны с точки зрения преодоления ловушки «недостойного правления» (Gel'man, 2022) и повышения эффективности государственного управления, даже если и когда российские власти декларировали эти цели.

По сути, «хороший Советский Союз» следует рассматривать как случай социального конструирования идейного «наследия», которое ставило целью формирование новой «ментальной модели» (Denzau, North, 1994), не связанной напрямую с теми или иными разработанными идеологическими доктринами (будь то коммунизм, национализм или что-либо иное). В то время как большинство идей ориентированы на пер-

спективные перемены в будущем, сконструированное идейное наследие «хорошего Советского Союза» ставило целью поддержание внутриполитического и экономического статус-кво в России. Его основаниями служили неподвижность, бесплодный эскапизм и ретроспективные ориентации. Как именно социальное конструирование идейного «наследия» работает на практике и почему «хороший Советский Союз» до недавнего времени приносил выгоду для Кремля?

Хлеб и зрелища: как «хороший Советский Союз» служит интересам элит

Изобретенное «наследие» «хорошего Советского Союза» служило интересам российских элит как минимум двумя различными, хотя и взаимосвязанными, способами. Прежде всего, опыт позднего СССР — реальный или воображаемый — выступал образцом предпочтительных решений для государственного аппарата при выработке политического курса в различных сферах, которая осуществлялась по большей части в технократической манере (Gel'man, 2018, 2022). Опора на этот опыт рассматривалась как легитимная и релевантная в глазах как политического руководства, так и самих технократов — управленцев, несмотря на то что данный опыт зачастую являлся весьма сомнительным с точки зрения возможных результатов, поскольку не был пригодным для решения многих управленческих задач в современных условиях. Несмотря на это, многие селективно отобранные элементы позднесоветского опыта приспособлялись к современным условиям по принципу «лоскутного одеяла» и лежали в основе ряда идей в различных сферах политического курса и конвертации этих идей в решения на уровне государственных проектов и программ. Так, создание крупных государственных промышленных конгломератов, так называемых «национальных чемпионов» в современной России — прежде всего, в технологической сфере, примером чего мог служить «Ростех» (Krome, 2021), во многом представляло собой преднамеренно продвигавшуюся элитами реплику влиятельных советских индустриальных министерств, которые доминировали в оборонной промышленности СССР в период холодной войны. Эти министерства внесли значительный вклад в усугубление экономических проблем сверхмилитаризованного Советского Союза (Gaidar, 2007), однако они рассматривались как образец для подражания в рамках изоляционистского подхода российского государства к постсоветской эконо-

мической политике (Yakovlev, 2021). На деле эффективность «Ростеха» оказалась довольно сомнительной, несмотря на высокий статус этой организации (или, возможно, благодаря этому статусу) и сильные неформальные связи ее руководства, позволявшие «Ростеху» получать первоочередной доступ к капиталу и государственным ресурсам.

Помимо этого, в современной России отмечалось немало попыток использования новых институтов, организаций и практик, которые отчасти напоминают своих предшественников советского периода, но при этом выполняют несколько отличающиеся функции. Примером такого рода проекта может служить реорганизация общества «Знание», занимавшегося распространением научной и культурной информации. Основанное в 1947 году, «Знание» в советский период выступало инструментом государственной пропаганды, обеспечивая просвещение и воспитание граждан в коммунистическом духе посредством лекций и иных форм деятельности. После распада СССР эта организация переживала глубокий упадок и, казалось, утратила всякое значение. Однако в 2016 году, согласно президентскому указу, «Знание» подверглось масштабной реорганизации под патронажем заместителя руководителя президентской администрации Сергея Кириенко, который возглавил попечительский совет обновленной структуры. Реорганизованное «Знание» стремилось опираться на новые формы вовлечения россиян (прежде всего, молодежи) в свою деятельность благодаря использованию современных информационных технологий и социальных сетей, запустило открытые конкурсы для молодых талантов и продвигало другие элементы *edutainment* (практика, сочетающая просвещение и развлечения). Однако повестка дня обновленного «Знания» служила целям отвлечения внимания потенциальной аудитории от многочисленных независимых просветительских проектов, направленных на развитие критического мышления, — они воспринимались российскими властями как каналы распространения западного влияния (Дзукати, 2021). В известной мере «Знание» было призвано стать инструментом российской государственной контрпропаганды, выступая при этом под флагом обновленной некоммерческой организации.

Данные механизмы использования советского идейного «наследия» и его трансляции в текущую повестку дня не слишком отличаются от типологически сходных механизмов трансляции организационного и институционального «наследия» коммунизма, которые были проанализированы в предшествующих исследованиях (Beissinger, Kotkin, 2014). Отличием использования советского идейного «наследия» выступает тот

факт, что оно продвигается в текущую повестку дня не само по себе, а в результате усилий, которые предпринимали российские элиты. Эти усилия, в свою очередь, были обусловлены идеями и представлениями элит, с одной стороны, и их собственными интересами — с другой. Неудивительно поэтому, что опора на использование «хорошего Советского Союза» часто приносила непреднамеренные последствия с точки зрения результатов этих усилий. Такие тенденции отмечались в самых разных сферах, начиная от подхода Кремля к выработке и реализации политического курса до действий государства на культурном фронте, призванных добиться целей индоктринации россиян. Как «хлеб» (экономическая политика), так и «зрелища» (кинопроизводство) использовали определенные элементы идейного «наследия» «хорошего Советского Союза». Однако эти замыслы столкнулись с многочисленными препятствиями на пути их реализации, ставившими под вопрос их эффективность.

Элиты и предпочтения политического курса: Back in the USSR?

Подходы российских властей к экономической политике за первые два десятилетия XXI века проделали путь от либеральных рыночных реформ до сложной комбинации этатизма, протекционизма и изоляционизма (Becker, Vasileva, 2017; Aleksashenko, 2018; Yakovlev, 2021; Алексашенко, 2021). Среди факторов, которые повлияли на этот поворот, некоторые специалисты отмечают политизацию экономических решений (Oxenstierna, 2015), которая стала особенно заметна после 2014 года, когда российские власти фактически принесли в жертву перспективы экономического роста и развития ради достижения геополитических целей (Appel, Gel'man, 2015). Однако следует также принять во внимание констелляцию идей и интересов элит и использование ими советского «идейного наследия» в качестве инструмента этатистского поворота при выработке политического курса.

Иоахим Цвайнерт в своем детальном анализе роли экономических идей в России, начиная с позднесоветского периода 1970-х годов и по начало 2010-х годов, предложил биполярную перспективу, противопоставляя экономических либералов, бравших на вооружение западные идеи, и этатистов, опиравшихся на интеллектуальные традиции советской версии марксизма-ленинизма (Zweynert, 2018). По его мнению, хотя в 1990-е и 2000-е годы либералы расширили свое влияние как в ака-

демических кругах, так и при выработке политического курса, этатисты продолжали удерживать ключевые позиции и в целом доминировали в идейном отношении среди российского экспертного сообщества за пределами небольшого числа ведущих новых институтов, таких как Высшая школа экономики и Российская экономическая школа. Вместе с тем влияние либералов на выработку политического курса в рамках технократической модели носило ограниченный характер (Gel'man, 2018). В лучшем случае они обладали определенной свободой маневра лишь в рамках отдельных «карманов эффективности», таких как Центральный банк России (Johnson, 2016). В худшем случае либералы оказывались загнаны в узкую нишу довольно бесплодных экспертных дискуссий о разработке программ социально-экономического развития, которые зачастую носили характер «пустой парадигмы» (Khmelnitskaya, 2021). По мере того как влияние либералов на выработку социально-экономической политики со временем снижалось, а эффективность разработанных ими программ становилась все менее и менее значимой (Дмитриев, Крапиль, 2021), этатисты выходили на авансцену.

Точнее говоря, этатистский поворот в российской экономической политике начался в 2000-е годы с процесса национализации ключевых активов в ряде секторов экономики, особенно в тяжелой индустрии (Мау, 2018), и во многом опирался на недоверие Путина к частному бизнесу как таковому (Aleksashenko, 2018). Однако еще в начале 2010-х годов советский опыт экономической политики рассматривался в экспертном сообществе в целом негативно из-за ее печально известной неэффективности, которая внесла значительный вклад в последующий крах СССР (Gaidar, 2007). Критические сдвиги произошли после присоединения Крыма, которое повлекло за собой, с одной стороны, усиление влияния силовиков с присущими им этатистскими идеями, а с другой стороны, усугубление изоляционистских тенденций на фоне усиления международной напряженности, нарастания западных санкций и оттока иностранных инвестиций. Приоритеты политического курса неизбежно оказались смещены (Yakovlev, 2021). Параллели между Советским Союзом времен холодной войны и современной Россией выглядели в этих условиях естественными, и не приходится удивляться тому, что опора на модель «хорошего Советского Союза» рассматривалась российскими элитами как подходящее решение.

Справедливости ради стоит отметить, что подобные идеи обсуждались этатистами задолго до этих событий. Пожалуй, одним из наиболее влиятельных сторонников «хорошего Советского Союза» стал Андрей

Белоусов, ведущий эксперт по экономическому планированию, который открыто отвергал либеральные подходы к выработке политического курса и предлагал осуществление масштабных государственных инвестиций в передовые технологии, которые, по его мнению, могли обеспечить долгосрочный экономический рост для России благодаря индустриальному процветанию. Белоусов опирался на советский опыт 1950–1960-х годов, которые он рассматривал как «золотой век» страны, утраченный из-за слишком масштабного отвлечения ресурсов СССР на растущие расходы военно-промышленного комплекса и на субсидирование убыточного сельского хозяйства (Белоусов, 1995)¹. После 2006 года Белоусов занимал различные посты в государственном аппарате и получил признание в качестве яркого сторонника крупных государственных конгломератов в промышленности и иных секторах (типа того же «Ростеха»), роль которых в российской экономике в 2010-е годы резко возросла (Yakovlev, 2021). С января 2020 года Белоусов стал первым заместителем премьер-министра, своего рода главным российским экономическим «визирем» (Егоров, Сонин, 2008). Среди ряда инициатив в плане политического курса Белоусов, в частности, настаивал на принудительном и произвольном изъятии 100 миллиардов рублей (примерно 1,4 миллиарда долларов США по курсу на конец 2021 года) сверхприбыли металлургических компаний в государственный бюджет, поскольку она, по его мнению, была получена несправедливым путем (Белоусов, 2021). Белоусову удалось убедить Путина в обоснованности своего подхода к экономической политике (Алексашенко, 2021), что, в свою очередь, позволило ему конвертировать свои идеи в ряд официальных решений.

Ключевым элементом этого подхода стало расширение масштаба «национальных проектов» — тринадцати финансируемых российским государством крупных программ экономического развития, которые были направлены на стимулирование ускоренного роста и в 2018 году одобрены Путиным под сильным идейным влиянием Белоусова (Алексашенко, 2021). Эти «национальные проекты» в определенной мере

¹ В этих рассуждениях Белоусова примечательно то, что милитаризация советской экономики и ее неэффективность рассматривались не как принципиальные характеристики политико-экономического порядка, а как его частные и вполне устранимые дефекты. Отчасти схожие представления о 1950–1960-х годах как об утраченном «золотом веке» СССР оказались распространены и в западной литературе, как академической (Sanchez-Sibony, 2014), так и массовой (Spufford, 2010).

рассматривались как преемники советских государственных пятилетних планов, которые сам Белоусов ранее позитивно оценивал как важнейший инструмент советской догоняющей экономической модернизации 1950–1960-х годов (Белоусов, 1995). Однако на деле параллели с советским опытом были неполными и имели выборочный характер. Советские пятилетние планы носили юридически обязательный характер, и их выполнение являлось главной задачей всего партийного и государственного аппарата. Но даже несмотря на это, их воплощение в жизнь стремительно ухудшалось на фоне упадка советской системы, особенно в 1970–1980-е годы. В то же время «национальные проекты» были построены по принципу индикативного планирования: в отсутствие сколь-либо действенных механизмов, стимулирующих экономических акторов к их исполнению, они воплощались в жизнь заведомо неэффективно. Хотя отсылки к советскому опыту развития могли вдохновлять умы и сердца многих представителей российских элит и масс (пусть и по различным причинам), но при этом «национальные проекты» критиковались Счетной палатой из-за непродуманной организации работы по их реализации и некачественного воплощения в жизнь (Старостина и др., 2020). По сути дела, «национальные проекты» консервировали неэффективность (Рогов, 2021) и непрозрачность управления в российских государственных компаниях и корпорациях (Gel'man, 2016; Krome, 2021). Поэтому они едва ли могли стать драйверами быстрого и устойчивого экономического роста (Yakovlev, 2021) на фоне усугубления проблем «недостойного правления» в России. Более того, пандемия COVID-19 поставила под большие сомнения релевантность значительной части «национальных проектов» как инструментов развития страны.

Несмотря на это, российские власти продолжали следовать тому же подходу к выработке политического курса. В июле 2020 года Путин своим указом изменил список национальных приоритетов стратегического развития страны, который он ранее одобрил в 2018 году. Некоторые из декларированных прежде целей стали менее амбициозными, но при этом после пересмотра они утратили последовательность и взаимосвязанность, превратившись в набор благих пожеланий, неспособный служить основой стратегии развития для любой страны, включая Россию (Иноземцев, 2020; Дмитриев, Крапиль, 2021). Вместе с тем воплощение в жизнь «национальных проектов», согласно тому же указу Путина, было отложено до 2030 года. В духе этого же подхода российское правительство в октябре 2021 года одобрило перечень из сорока двух «стратегических инициатив» стоимостью 4,6 триллиона рублей (примерно 62,5

миллиарда долларов по курсу на конец 2021 года), которые были призваны обеспечить реализацию «национальных проектов». В какой мере вливание столь крупных средств могло позволить достичь заявленных целей к 2030 году, оставалось неясным, а в свете тех экономических проблем, с которыми сталкивается Россия в настоящее время, эти шаги властей полностью утратили актуальность.

Использование советских рецептов для решения российских проблем в XXI веке развивалось и далее, и отсылки к позитивному советскому опыту становились почти повсеместными в различных контекстах. Так, в мае 2021 года Федеральная служба исполнения наказаний предложила использовать принудительный труд заключенных на строительстве важнейших государственных объектов с тем, чтобы компенсировать отток трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Хотя параллели с ГУЛАГом были открыто отвергнуты представителями властей (Батманова, 2021), сама идея опоры государства на дешевый принудительный труд для реализации экономических проектов, по сути, оставалась прежней. В августе 2021 года министр обороны России Сергей Шойгу выступил с инициативой создания в Сибири от трех до пяти новых крупных городских агломераций с населением от 300 тысяч до миллиона жителей каждая с целью размещения в них новых центров развития высоких технологий и промышленных кластеров, которые должны были бы способствовать развитию Сибири и России в целом. При этом Шойгу открыто ссылался на советский опыт индустриализации региона и масштабного перемещения производительных сил и населения на территорию Сибири как образец для подражания, тем самым обосновывая предложенный им «сибирский поворот» развития России (Шойгу, 2021). Помимо того, что эксперты скептически оценивали советский опыт освоения Сибири с точки зрения транспортных и энергетических издержек (Gaddy, 2014), они также полагали заведомо нереалистичным его повторение в современных условиях (Алексащенко, 2021). Между тем неудивительно, что благодаря тесным личным связям между Шойгу и Путиным, идея Шойгу была встречена в официальных СМИ с немалым энтузиазмом, хотя в конечном итоге так и не воплотилась в правительственные решения, увязнув в рутине бюрократических согласований (к настоящему времени она полностью утратила всякую актуальность). Критики отмечали, что Шойгу, выходец из Тувы, самого бедного из сибирских регионов, выступавший его главным лоббистом в столице, продвигал этот проект не столько в целях развития страны, сколько для обеспечения интересов региона. Однако обращение к опыту

«хорошего Советского Союза» в качестве основного аргумента для изменения пространственной стратегии развития страны в этом контексте выглядело весьма показательным.

Эпизод с несостоявшимся «сибирским поворотом» наглядно демонстрирует, почему «хороший Советский Союз» не может быть использован как успешный пример для подражания при выработке и реализации политического курса в современной России. Советская практика государственного управления и принятия решений по вопросам социально-экономического развития носила высокоинституционализированный характер. В ее основе находилась сложная и комплексная система формальных и неформальных «сдержек и противовесов» в руководстве коммунистической партии и государственного аппарата, и воздействие групп особых интересов носило ограниченный характер (Hough, Fainsood, 1979). Эти условия подчас делали процесс выработки политического курса в СССР излишне ригидным, но они же устанавливали определенные пределы волюнтаризма при выборе тех или иных вариантов решений. Напротив, выработка политического курса в постсоветской России страдала от низкой институционализации (Oxenstierna, 2015; Aleksashenko, 2018), в силу чего ключевые чиновники и связанные с ними лица могли волюнтаристски продвигать выгодные им инициативы посредством неформальных связей, зачастую безотносительно к формальным «правилам игры» и бюрократическим иерархиям. Шойгу со своими сибирскими проектами едва ли служил исключением в этом плане. В то время как неформальные управленческие практики доминировали в российском государственном управлении (Ledeneva, 2013), это также означало, что многие меры политического курса, включая и «национальные проекты», создавали дымовую завесу для заинтересованных групп, лоббировавших выгодные им решения (Yakovlev, 2021). Но и независимо от вклада советского идейного «наследия» в поиск ренты и коррупцию как элементов «недостойного правления» в России (Gel'man, 2022), опора на «хороший Советский Союз» оказывается бесполезной и как средство развития страны, — напротив, она сталкивается с рядом тенденций стагнации и упадка, отчасти напоминающих те, что сыграли немалую роль в последующем крахе Советского Союза (Рогов, 2021). Иными словами, идейное «наследие» «хорошего Советского Союза» выступало заведомо непригодным инструментом при решении задач выработки политического курса в сфере социально-экономического развития страны: оно могло лишь усугубить ее многочисленные проблемы.

«Хороший Советский Союз» в современном российском кинематографе

Помимо опоры на «хороший Советский Союз» в процессе выработки политического курса в России на уровне элит, позитивный образ «хорошего Советского Союза» не в меньшей, а даже в большей мере был адресован широкой российской публике. Хотя элиты использовали отсылки к советскому опыту как примеру для подражания, на практике реализуемый ими политический курс, получавший подобное оправдание, далеко не всегда имел поддержку россиян, особенно на фоне стагнации реальных доходов в 2010-е и начале 2020-х годов. Несмотря на это, массовая поддержка советской политической системы в этот период лишь возрастала (Левада-центр, 2021). Как и почему это происходило? Предыдущее исследование советского «наследия» показало, что в процессе формирования массовых представлений о «хорошем Советском Союзе» немалую роль играли не только средства массовой информации (особенно телевидение), но и доступные россиянам развлечения, включая фильмы и сериалы (Libman, Obydenkova 2021). Поэтому мы обратимся к образу «хорошего Советского Союза» в современном российском кинематографе, акцентировав особое внимание на стремлении элит контролировать кинопроизводство и продвижение позитивного образа «хорошего Советского Союза» в российской кинопродукции².

Следует иметь в виду, что кинематограф находился в центре внимания советских элит, которые с момента прихода коммунистов к власти уделяли немалое внимание этому политическому инструменту. Еще в 1922 году Ленин предлагал разделить кинопроизводство в стране на развлекательное (подверженное государственной цензуре) и воспитательное (выполнявшее важнейшие пропагандистские функции)³. Начиная с 1920-х годов, фильмы и, позднее, телевизионные программы, прежде всего благодаря своей доступности, служили важнейшим развлекательным средством для большинства советских граждан, завоевывая их умы и сердца. Во многом фильмы и телепередачи сохранили

² Анализ массовых установок и общественного мнения россиян в отношении современной кинематографии выходит за рамки настоящей работы и заслуживает отдельного рассмотрения.

³ См.: (Marxists Internet Archive, 2003). Более детальный анализ роли советского кинематографа в формировании «наследия» коммунизма представлен в монографии (Libman, Obydenkova, 2021).

влияние на российскую публику и в современный период: более того, в ходе пандемии COVID-19 это влияние лишь усилилось. Многие российские граждане и целые семьи россиян привязаны к фильмам и телесериалам практически каждый день, и их содержание играет огромную роль не только в социальном конструировании восприятия прошлого, но и в его использовании в сегодняшней жизни (Libman, Obydenkova 2021). Хотя анализ кинематографа и телевидения в современной России заслуживает отдельного исследования, в данной работе мы рассмотрим те аспекты, которые касаются современных российских фильмов о советском периоде отечественной истории. Чтобы понять, как формируется имидж «хорошего Советского Союза» в сегодняшних российских фильмах и телесериалах, необходимо уточнить институциональные рамки производства кино- и телепродукции и источники его финансирования.

Правовой основой кинопроизводства в России служит федеральный закон о государственной поддержке кинематографии, принятый в 1996 году и дополненный в 2010 году. Закон устанавливает рамки государственного участия в российской киноиндустрии, отдельно определяя категорию «национального фильма» в зависимости от степени участия в его производстве россиян и российских компаний (The Federal Law, 1996). Начиная с 2008 года, Министерство культуры, непосредственно курирующее искусство и кинематограф, получило права и обязанности по контролю и цензурированию фильмов, которые оно могло счесть исторически неаккуратными, под предлогом защиты культурного наследия страны (Указ, 2008). Столь двусмысленная интерпретация задач министерства предоставила ему широкие возможности по вмешательству в кинопроизводство вплоть до запрета тех фильмов, которые носили критический характер по отношению к тем или иным аспектам функционирования Советского Союза⁴. Государственное регулирование и контроль национальной кинематографии заняли важное место в повестке дня Министерства культуры (Состояние, 2016). Отчет о состоянии российского кинематографа, выпущенный министерством в 2016 году, подчеркивал в качестве задач российской киноиндустрии консолидацию национальной идентичности, создание условий для воспитания и обучения граждан, защиты исторического и культурного наследия и его использования в образовательных целях, передачу российских ценностей, норм

⁴ Наиболее известным примером может служить запрет фильма о депортации чеченцев в Центральную Азию в 1944 году (Malpas, 2014).

и традиций от поколения к поколению, etc.⁵ Многочисленные отсылки к задачам обучения и воспитания россиян посредством кинематографии напоминали худшие образцы ленинских указаний начала 1920-х годов. Таким образом, советское идейное «наследие» в плане воспитания масс, пропаганды и цензуры не только сохранилось, начиная с 1920-х годов, но во многом приняло еще более ригидные формы как минимум в двух значимых аспектах. Во-первых, если Ленин предполагал, что воспитательные функции должны были выполнять только пропагандистские фильмы, в то время как развлекательные фильмы предполагалось предоставить самим себе, то современные элиты ставят цели обучения и воспитания перед всей киноиндустрией в целом, независимо от содержания ее продукции. Во-вторых, если в 1920-е годы интерес Ленина к воспитанию не слишком образованного, а зачастую и не слишком грамотного рабочего класса был отчасти обоснован, то использование того же подхода к российскому кинематографу в 2020-е годы предполагало, что российские элиты воспринимали всех без исключения кинозрителей в качестве необразованных масс, находящихся на более низком по сравнению с ними интеллектуальном уровне. Риторические установки элит по отношению к согражданам не слишком изменились более чем за столетие, и государственное участие в современном кинематографе по-прежнему оправдывалось потребностями в воспитании масс, которые, по мнению элит, нуждались в том, чтобы государство их воспитывало⁶.

Для достижения этих целей обучения и воспитания Владимир Мединский, занимавший пост министра культуры России в 2012–2020 годах, еще более усиленно продвигал государственное участие в киноиндустрии и расширение государственного контроля над производством фильмов (Muchnik, 2020). В начале 2020 года Мединского на посту министра сменила Ольга Любимова, которая до этого назначения возглавляла департамент кинематографии в том же министерстве, а ранее явля-

⁵ В качестве главной задачи Министерства культуры в этой сфере было обозначено «обучение и воспитание» граждан посредством кинематографа. Полный перечень целей и задач российской кинематографии представлен здесь: <https://www.profcinema.ru/news/detail.php?ID=206600> (доступ 3 апреля 2022).

⁶ Задачи обучения и воспитания граждан относятся к функциям Министерства просвещения России (до 2018 года — Министерства образования и науки), для которого обучение и воспитание служат вполне оправданными функциями, связанными с управлением соответствующими образовательными учреждениями. В этой связи стремление Министерства культуры обучать и воспитывать россиян посредством кинематографа выглядит еще более сомнительным.

лась заместителем директора дирекции социальных и публицистических программ телевизионного «Первого канала». Любимова на посту руководителя департамента воспринималась как тень Мединского, будучи ответственной за усиление государственного контроля за кинопроизводством. Ее назначение сигнализировало о внимании чиновников к кинематографии и приоритете этой проблематики в повестке дня министерства (Muchnik, 2020). Следует отметить, что объем государственной финансовой поддержки кинопроизводства в России (главным образом, хотя и не только, по линии Министерства культуры) в 2009–2013 годах вырос почти в два раза и с тех пор оставался почти на том же самом уровне (Plokhikh, 2021).

В то время как государственный контроль кинематографии в России усиливался по мере увеличения ее финансирования, критика советского прошлого (в особенности сталинского периода) если не полностью исчезала из современных российских фильмов, то всячески в них затухала. Вместе с тем образы «хорошего Советского Союза» заполняли вакуум, занимая все более заметное место в российских фильмах 2010-х и начала 2020-х годов. В предыдущей работе было показано, как фильмы успешно использовались в качестве инструмента советской пропаганды (Libman, Obydenkova, 2021). Создание позитивного образа «хорошего Советского Союза» с помощью кинематографа позволяло успешно продвигать ключевые аспекты советского идейного «наследия» в повседневную жизнь россиян. Углубленный анализ нарративов современных российских фильмов продемонстрировал, что показ образов Советского Союза как «золотого века» страны сочетался с интенсивным продвижением конспирологических мифов и использованием других пропагандистских технологий (Plokhikh, 2021). Забота о доступности этих фильмов для зрителей выступала ключевым элементом политики российских властей, стремившихся завоевать умы и сердца аудитории.

Одним из наиболее популярных жанров российской кинематографии стали ремейки популярных советских фильмов. Они выполняли двойную функцию, напоминая об успехах оригинальных произведений и одновременно стремясь привлечь молодых зрителей, которые не склонны были пересматривать фильмы советских времен и не идентифицировали себя с этими произведениями и их героями. В известной мере ремейки были призваны навести мосты связей между поколениями, объединяя у экранов дедов и внуков. Примерами могут служить «А зори здесь тихие...» (2015, ремейк популярной драмы 1972 года о Великой Отечественной войне) или «Ирония судьбы-2» (2007, ремейк

и продолжение оригинальной комедии 1975 года). Несмотря на различие жанров, оба этих фильма выступали репликами «золотого века» 1970-х годов, стремясь привлечь молодых зрителей посредством переделки старых фильмов в современном стиле. Тем не менее оригинальные советские кинокартины пользовались гораздо большей популярностью у зрителей по сравнению с их современными версиями (Болецкая, 2017).

Некоторые из современных российских фильмов (хотя и далеко не все из них) содержали многочисленные аллюзии, предлагая зрителям идеализированный советский образ жизни и многочисленных позитивных персонажей: в них преобладали добродетельные политики, которые иногда совершали ошибки, но всегда их исправляли и при этом заботились о простых людях; честные и неподкупные сотрудники правоохранительных органов; спортивные тренеры, которые заботились о молодых спортсменах как о членах своих семей, и т. д. Поскольку фильмы и телесериалы главным образом были адресованы возрастной аудитории, позитивные образы «хорошего Советского Союза» зачастую включали и соответствующую интерпретацию тех или иных исторических событий советской эпохи. Таким образом, кинематограф все чаще развивался в духе «социалистического реализма», предполагавшего мягкую критику отдельных недостатков и негативных героев на уровне бюрократии среднего уровня в сочетании с позитивным образом коммунистической партии и ее руководства. Этот же подход стал типичным и для современных фильмов о советском прошлом, воспроизводя прежнюю умеренную критику на общем позитивном фоне. Так, в телевизионном сериале «Вербное воскресенье» (2009) вся критика направлена на негативного героя — внука высшего функционера коммунистической партии, ответственного за гибель молодой женщины, в то время как его номенклатурный дедушка представлен в фильме в гораздо более позитивном свете.

В дополнение к активной содержательной и стилистической имитации советских фильмов современный российский кинематограф также имитировал многие западные фильмы и телесериалы (главным образом американские и в меньшей мере британские). Многие из этих произведений адресованы к опыту Советского Союза и следуют сюжетам аналогичных западных фильмов, но при этом включают в себя элементы контрпропаганды и/или предлагают зрителям альтернативные нарративы. Так, американско-британский мини-сериал «Чернобыль» (2019), выпущенный каналом НВО, представляет собой историческую драму о трагедии на советской атомной электростанции в 1986 году. В ответ на

этот сериал Россия предложила собственную альтернативную версию «Чернобыля», в которой представлен образ внешних врагов (американцев), на происки которых создатели российского фильма искусственно возложили ответственность за ядерное заражение территории (подробнее см. Libman, Obydenkova, 2021).

Другой сферой имитации западного нарратива о Советском Союзе и одновременно ареной противостояния ему выступают фильмы о спортивных соревнованиях времен холодной войны. Американский документальный фильм режиссера и сценариста Гейба Польски «Красная армия» (2014), посвященный советским хоккеистам, в деталях представляет советскую хоккейную сборную на основе интервью со звездой советского (и позднее — американского) хоккея Вячеславом Фетисовым. Этот фильм демонстрировал жесткость и грубость советской системы по отношению к хоккеистам, негуманное отношение руководства к игрокам, которые в советское время оказались лишены базовых прав человека (например, запрет на участие хоккеиста в похоронах своего отца). Сравнение подготовки спортсменов с дрессировкой животных и многочисленные случаи нанесения вреда здоровью хоккеистов, представленные в этом фильме, отбрасывали неприглядную тень на советский спорт в целом и на историю побед советских хоккеистов в период холодной войны в особенности. В целях восстановления идиллического имиджа СССР как державы № 1 в мировом спорте российские кинематографисты сняли ряд фильмов, призванных прославить «хороший Советский Союз». Несмотря на урон, нанесенный репутации советского спорта «Красной армией», несколько российских кинокартин были специально посвящены хоккею и фигурному катанию. Так, документальный фильм «Хоккейные игры» (2012) развивает нарратив о славном периоде советского доминирования в мировом хоккее и триумфальной серии игр СССР — Канада в 1972 году, представляя легендарных тренеров Анатолия Тарасова и Всеволода Боброва как выдающихся лидеров, которые вели советских спортсменов к вершинам мирового спорта в длительном противостоянии с канадцами. Позднее, в 2013 году, на экраны вышел и художественный фильм «Легенда № 17», посвященный той же серии хоккейных матчей СССР — Канада, где главным героем выступал хоккеист Валерий Харламов. «Хоккейные игры» и «Легенда № 17» вышли на экраны незадолго до «Красной армии», продолжая тем самым соревнование в борьбе за кинематографическую презентацию советского спорта и производя контрнарратив против его негативного образа, созданного на Западе.

Другие фильмы о спорте советского периода — например, «Движение вверх» (2017) о победе советских баскетболистов на Олимпиаде 1972 года, — демонстрируют вариации этого нарратива. «Движение вверх», с одной стороны, концентрируется на позитивном образе добродетельного тренера, который не только ведет своих подопечных к победе, но также выступает «отцом» команды, заботится об игроках и служит моральным образцом поведения для них. С другой стороны, в центре фильма находится борьба советских баскетболистов со своим врагом № 1 — командой США. Победа любой ценой над американцами и их союзниками выступает главной целью, которая сплачивает команду. Сходным образом выстроены сюжеты и других спортивных фильмов, таких, например, как «Чемпион мира» (2021), посвященный яростной битве между Анатолием Карповым и Виктором Корчным за мировое первенство по шахматам в 1978 году. Нарратив в этом фильме выстроен вокруг противостояния идиллического образа советской спортивной легенды Карпова и его патронов в советском руководстве и негативного образа дегуманизированного предателя Корчного, перешедшего на сторону западных врагов. Победа Карпова в этом матче символизирует безусловное превосходство советской системы над Западом.

Наконец еще одна группа фильмов переводит внимание зрительской аудитории с прежней славы СССР как глобального № 1 на другую тему — воздействие внешних врагов, которые ассоциируются с порочными странами Запада — и прежде всего, с США. Помимо бесконечных военных драм и документальных лент, где в роли врага выступает Германия (и позднее ФРГ), ряд фильмов посвящен Центральному разведывательному управлению США. Примером такого рода может служить «С чего начинается Родина», выпущенный на экраны в 2014 году, одновременно с присоединением Крыма. Действие фильма происходит в середине 1980-х годов и посвящено борьбе Советского Союза против зловредного ЦРУ.

Несмотря на агрессивное продвижение позитивных образов позднего СССР в российском кинематографе, пропагандистские нарративы современных фильмов оказались не слишком популярны среди российских зрителей, о чем свидетельствуют данные кинопроката (Plokhikh, 2021). Несмотря на то что на их производство были выделены немалые государственные средства, эти фильмы по большей части оказались неспособны конкурировать ни со своими предшественниками — фильмами советских времен, ни тем более с голливудскими блокбастерами. Хотя детальный анализ современной российской кинематографии и мас-

совых предпочтений зрителей остается за рамками этой работы, в целом можно утверждать, что продвигаемый элитами в пропагандистских целях образ «хорошего Советского Союза» в фильмах и телесериалах с упором на былое величие страны в различных измерениях стал заметным явлением в течение 2010-х и начала 2020-х годов и заслуживает серьезного внимания.

Вместо заключения

Как нетрудно заметить, образ «хорошего Советского Союза» постоянно присутствовал в подходах современных российских элит к выработке политического курса и в оправдании их предпочтений и решений и вместе с тем лежал в основе подходов к кинематографии, которая была призвана служить инструментом убеждений в рамках государственной пропаганды. Образ «хорошего Советского Союза» включал в себя набор представлений об СССР как о глобальном лидере в различных сферах, начиная от науки и технологий (прежняя слава советской космической программы) и заканчивая продвижением различных инноваций, будь то индустриальное развитие или гендерное равенство. Наиболее показателен в этом плане пример использования для российской вакцины против COVID-19 наименования «Спутник V». Наименование вакцины вызывало ассоциации с первым искусственным спутником Земли, который был запущен СССР в 1957 году: это достижение, как и советская космическая программа в целом, до сих пор рассматривается как самая большая технологическая «история успеха» в СССР (Gel'man, 2022). Запуск спутника в 1957 году также стал триггером борьбы Советского Союза с США за господство в сфере космоса, которая длилась свыше десятилетия, пока не увенчалась высадкой американских астронавтов на Луне. Неудивительно, что вакцина «Спутник V»⁷ также была призвана стать первой официально зарегистрированной в мире вакциной от COVID-19⁸, напо-

⁷ См., например, Глава РФПИ объяснил значение буквы «V» в названии «Спутника V» <https://ria.ru/20201224/vaktsina-1590791699.html> (доступ 3 апреля 2022).

⁸ Министерство здравоохранения России зарегистрировало «Спутник V» 11 августа 2020 года, чтобы сделать российскую вакцину первой в мире, прошедшей официальную государственную регистрацию, несмотря на неполноту всех тестов и процедур и международную обеспокоенность качеством вакцины и связанными с ней рисками (Callaway, 2020).

миная о научном и технологическом приоритете Советского Союза и продолжении его прежней славы в XXI веке. Однако точно так же, как «история успеха» советской космической программы, достижения «Спутника V» оказались краткосрочными, а его практические выгоды в лучшем случае ограниченными (Gel'man, 2022). Несмотря на претенциозное название и шумную пропагандистскую кампанию, российская вакцина не смогла получить одобрение со стороны Всемирной организации здравоохранения и/или регистрацию у европейских и американских регуляторов. Да и внутри страны, несмотря на проводимую государством активную рекламную кампанию, менее 50 % россиян были вакцинированы по состоянию на январь 2022 года.

Многочисленные отсылки к советскому прошлому отчасти выполняют компенсационные функции замещения реальности, будучи призваны скрыть скромные нынешние достижения в самых разных сферах и отсутствие современных образцов для подражания не только в фильмах, но и в действительности. Показательно, что прославление советских космических успехов, столь наглядно представленное в таких фильмах, как «Время первых» (2017), «Салют-7» (2017) или «Гагарин. Первый в космосе» (2013), выступало компенсацией целого ряда неудач российской государственной корпорации «Роскосмос». Эти неудачи были вызваны многими факторами, начиная от зарубежных санкций и заканчивая финансовыми проблемами и неэффективностью управления (Luzin, 2021). Но в целом нестыковки между «историями успеха» в прошлом и посредственностью в наши дни говорят о заведомой неполноте и неэффективности социального конструирования «наследия прошлого». Опора на заведомо устаревшие былые заслуги не в состоянии заместить нынешние провалы и сомнительные шансы на будущее.

В то же время использование образа «хорошего Советского Союза» российскими элитами носило стратегический характер, будучи направлено на сохранение политического и экономического статус-кво любой ценой. Весьма примечательно, что конституционная поправка, которая юридически позволяла Владимиру Путину оставаться у власти в России до 2036 года, была предложена в марте 2020 года первой женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой, которая совершила свой полет в 1963 году и позднее свыше двадцати лет являлась депутатом Государственной Думы. Так, изобретенное «наследие прошлого» служило сегодняшним идеям и интересам российских элит.

Каковы уроки России для анализа «наследия прошлого» как политического феномена, не только унаследованного из реального прошлого,

но также искусственно созданного и воображаемого прошлого, которое выступает как политический инструмент элит? И что именно это явление говорит нам о перспективах России? Насколько долго и насколько успешно может функционировать нынешняя модель изобретенного «наследия прошлого», особенно после начала российской «военной спецоперации» в Украине в феврале 2022 года? Хотя любой ответ на эти вопросы был бы явно преждевременным и неполным, но можно предположить, что изобретенное идейное «наследие прошлого» не может под держиваться вечно, особенно если и когда «ментальные модели», предлагаемые элитами гражданам, не разделяются молодым поколением, да и некоторой частью самих элит. До тех пор, пока стареющие россияне, имеющие непосредственный личный опыт советского прошлого, еще не сошли со сцены, «хороший Советский Союз» может выполнять функции нормативного идеала. Однако трудно предположить, что такое идейное «наследие прошлого» станет успешно выполнять эти функции на протяжении долгих десятилетий, а тем более веков, в отсутствие эффективных институтов, способных обеспечивать его преемственность и воспроизводство. Скорее, компенсационные функции этого идейного «наследия прошлого» со временем будут выполняться все менее и менее успешно на фоне смены поколений россиян. Вопрос, скорее, в том, какие новые идеи могут заменить изобретенное идейное «наследие» в будущем.

Литература

Алексащенко, Сергей (2021), Российские олигархи недовольны, но запуганы, *republic.ru*, 7 октября, <https://republic.ru/posts/101894> (доступ 3 апреля 2022).

Батманова, Анастасия (2021), ФСИН предложила заменить трудовых мигрантов заключенными, *rbc.ru*, 20 мая, <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2021/60a5fa8d9a79477c1f8620f4> (доступ 3 апреля 2022).

Белоусов, Андрей (1995), Структурный кризис советской индустриальной системы, в: Сергей Чернышев (ред.), *Иное: хрестоматия нового российского самосознания*, М.: Аргус, <http://old.russ.ru/antolog/inoe/belous.htm> (доступ 3 апреля 2022).

Белоусов, Андрей (2021), Интервью Андрея Белоусова РБК: главное, *rbc.ru*, 31 мая, <https://www.rbc.ru/economics/31/05/2021/60b3de5d9a7947f2883f7aa0> (доступ 3 апреля 2022).

Болецкая, Ксения (2017), Телезрителям все еще больше нравятся советские фильмы, а не новое отечественное кино, *Ведомости*, 21 июня, <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/06/21/695314-telezriteliam-sovetskie-filmi> (доступ 3 апреля 2022).

Волков, Вадим, Григорьев, Иван, Дмитриева, Арина, Моисеева, Екатерина, Панеях, Элла, Поздняков, Михаил, Титаев, Кирилл, Четверикова, Ирина, Шклярчук, Мария (2013), *Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ*, СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Институт проблем правоприменения, http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf (доступ 3 апреля 2022).

Дзуцати, Анастасия (2021), Общество «Знание» против «антироссийской силы». В России вступил в силу закон о просветительской деятельности, *Настоящее время*, 1 июня, <https://www.currenttime.tv/a/o-prosvetitelskoj-deyatelnosti/31283213.html> (доступ 3 апреля 2022).

Дмитриев, Михаил, Крапиль, Валерий (2021), *Проблемы институтов стратегического планирования в современной России*, рукопись.

Егоров, Георгий, Сонин, Константин (2008), Диктаторы и визири: экономическая теория лояльности и компетентности, *Общественные науки и современность*, № 2, с. 36–51, <https://ecsocman.hse.ru/data/2010/11/12/1214795173/Egorov.pdf?ysclid=11jmn5bfe> (доступ 3 апреля 2022).

Иноземцев, Владислав (2020), Пригласите психиатра: Правительство РФ представило проект единого плана по достижению национальных целей развития до 2030 года, *Новая газета*, 11 сентября, <https://novayagazeta.ru/articles/2020/09/10/87037-priglasite-psihiatra> (доступ 3 апреля 2022).

Левада-центр (2021), Какой должна быть Россия в представлениях россиян? *levada.ru*, 10 сентября, <https://www.levada.ru/2021/09/10/kakoj-dolzha-byt-rossiya-v-predstavlenii-rossijan/> (доступ 3 апреля 2022).

Пипия, Карина (2019), Советский Союз, *levada.ru*, 24 июня, <https://www.levada.ru/2019/06/24/ussr/> (доступ 3 апреля 2022).

Рогов, Кирилл (ред.) (2021), *Застой-2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики*, М.: Либеральная миссия, <https://liberal.ru/eksper-tiza/zastoj-2-posledstviya-riski-i-alternativy-dlya-rossijskoj-ekonomiki> (доступ 3 апреля 2022).

Состояние (2016), *Состояние российской кинематографии в 2015 году. Отчет Минкультуры*, 5 сентября, <https://www.proficinema.ru/news/detail.php?ID=206600> (доступ 3 апреля 2022).

Старостина, Юлия, Губернаторов, Егор, Ефимович, Елизавета, Подобедова, Людмила, Бурмистрова, Светлана (2020), Счетная палата указала недостатки

и риски нацпроектов, *rbc.ru*, 13 января, <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2020/5e184e2a9a79470bf49655c3> (доступ 3 апреля 2022).

Указ (2008), *Указ Президента РФ № 724*, 12 мая, <https://base.garant.ru/12160263/> (доступ 3 апреля 2022).

Шойгу, Сергей (2021), Сергей Шойгу — о новых городах в Сибири: полная версия, *rbc.ru*, 6 сентября, <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412> (доступ 3 апреля 2022).

Aleksashenko, Sergey (2018), *Putin's Counterrevolution*, Washington, DC: Brookings Institution Press.

Appel, Hilary, Gel'man, Vladimir (2015), Revising Russia's Economic Model: The Shift from Development to Geopolitics, *PONARS Policy Memos*, No. 397, <http://www.ponarseurasia.org/memo/revising-russias-economic-model-shiftdevelopment-> (accessed 3 April 2022).

Becker, Uwe, Vasileva, Alexandra (2017), Russia's Political Economy Re-conceptualized: A Changing Hybrid of Liberalism, Statism, and Neopartimomialism, *Journal of Eurasian Studies*, 8 (1): 83–96.

Beissinger, Mark R., Kotkin, Stephen (eds.) (2014), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.

Bernhard, Michael, Kubik, Jan (eds.) (2014), *Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration*, Oxford: Oxford University Press.

Buckley, Noah, Tucker, Joshua A. (2019), Staring at the West through Kremlin-tinted Glasses: Russian Mass and Elite Divergence in Attitudes toward the United States, European Union, and Ukraine Before and After Crimea, *Post-Soviet Affairs*, 35 (5–6): 365–375.

Callaway, Ewen (2020), Russia's Fast-Track Coronavirus Vaccine Draws Outage over Safety, *Nature*, 584 (7821): 334–335, <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02386-2> (accessed 3 April 2022).

Denzau, Arthur, North, Douglas (1994), Sharing Mental Models: Ideologies and Institutions, *Kyklos*, 47 (1): 3–31.

Frye, Timothy M. (2017), *Property Rights and Property Wrongs: How Power, Institutions, and Norms Shape Economic Conflict in Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.

Gaddy, Clifford (2014), Room for Error: The Economic Legacy of Soviet Spatial Misallocation, in: Mark R. Beissinger, Stephen Kotkin (eds.), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 52–67.

Gaidar, Yegor (2007), *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*, Washington, DC: Brookings Institution Press.

Gel'man, Vladimir (2016), The Vicious Circle of Post-Soviet Neopatrimonialism in Russia, *Post-Soviet Affairs*, 32 (5): 455–473.

Gel'man, Vladimir (2018), Politics versus Policy: Technocratic Traps of Russia's Policy Reforms, *Russian Politics*, 3 (2): 282–296.

Gel'man, Vladimir (2021), Constitution, Authoritarianism, and Bad Governance: The Case of Russia, *Russian Politics*, 6 (1): 71–90.

Gel'man, Vladimir (2022), *The Politics of Bad Governance in Contemporary Russia*, Ann Arbor: University of Michigan Press, in print.

Giuliano, Elise (2011), *Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Gorenburg, Dmitry (2003), *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*, Cambridge: Cambridge University Press.

Hobsbawm, Eric, Ranger, Terrence (eds.) (1983), *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.

Hough, Jerry F., Fainsod, Merle (1979), *How the Soviet Union is Governed*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Huskey, Eugene (2014), Legacies and Departures in the Russian State Executive, in: Mark R. Beissinger, Stephen Kotkin (eds.), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 111–127.

Iman, Adrita, Nazarov, Zafar, Obydenkova Anastassia (2022), Female Leadership, Democratization, and Firm Innovation: Social Inequalities and Gender Issues in Post-Communist Economies, *Eastern European Economics*, Online first <https://doi.org/10.1080/00128775.2021.2024440> (accessed 3 April 2022).

Johnson, Juliet (2016), *Priests of Prosperity: How Central Bankers Transformed the Postcommunist World*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Khmelnitskaya, Marina (2021), Socio-economic Development and the Politics of Expertise in Putin's Russia: The 'Hollow Paradigm' Perspective, *Europe-Asia Studies*, 73 (4): 625–646.

Kotkin, Stephen, Beissinger, Mark R. (2014), The Historical Legacies of Communism: An Empirical Agenda, in: Mark R. Beissinger, Stephen Kotkin (eds.), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 1–27.

Krome, Nikole (2021), State Corporate Governance in Russia, *Europe-Asia Studies*, Online first <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09668136.2021.1988905?src=> (accessed 3 April 2022).

Ledeneva, Alena V. (2013), *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks, and Informal Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.

Libman, Alexander, Obydenkova, Anastassia (2013), Communism or Communists? Soviet Legacies and Corruption in Transition Economies, *Economic Letters*, 119 (1): 101–103.

Libman, Alexander, Obydenkova Anastassia (2021), *Historical Legacies of Communism: Modern Politics, Society, and Economic Development*, Cambridge: Cambridge University Press.

Luzin, Pavel (2021), Roscosmos Suffers from Russia's Confrontation with the US, *Eurasia Daily Monitor*, 18 (99), 22 May, <https://jamestown.org/program/ros-cosmos-suffers-from-russias-confrontation-with-the-us/> (accessed 3 April 2022).

Malinova, Olga (2021), Framing the Collective Memory of the 1990s as a Legitimation Tool of the Putin Regime, *Problems of Post-Communism*, 68 (5): 429–441.

Malpas, Anna (2014), Russia Bans 'Historically False' Film on Stalin Deportation of Chechens, *AFP News*, 27 April, <http://www.afp.com/en/news/russia-bans-historically-false-film-stalin-deportations-chechens> (accessed 3 April 2022).

Marxists Internet Archive (2003), *Lenin Collected Works*, Moscow: Progress Publishers, vol. 42, <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1922/jan/17.htm> (accessed 3 April 2022).

Mau, Vladimir (2018), *Russia's Economy in an Epoch of Turbulence: Crises and Lessons*, Abingdon: Routledge.

Muchnik, Andrei (2020), Who is Olga Lyubimova, Russia's New Culture Minister? *The Moscow Times*, 22 January, <https://www.themoscowtimes.com/2020/01/22/who-is-olga-lyubimova-russias-new-culture-minister-a68995> (accessed 3 April 2022).

Nazarov, Zafar, Obydenkova Anastassia (2021), Environmental Challenges and Political Regime Transition: The Role of Historical Legacies and the European Union in Eurasia, *Problems of Post-Communism*, Online first 10.1080/10758216.2021.1995437 (accessed 3 April 2022).

Obydenkova, Anastassia, Libman Alexander (2012), The Impact of External Factors on Regime Transition: Lessons from the Russian Regions, *Post-Soviet Affairs*, 28 (3): 346–401.

Obydenkova, Anastassia, Libman, Alexander (2015), Understanding the Survival of Post-Communist Corruption in Contemporary Russia: The Influence of Historical Legacies, *Post-Soviet Affairs*, 31 (4): 304–338.

Oxenstierna, Susanne (ed.) (2015), *The Challenges for Russia's Politicized Economic System*, Abingdon: Routledge.

Paneyakh, Ella (2014), Faking Performances Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege, *Post-Soviet Affairs*, 30 (2–3): 115–136.

Plokhikh, Maxim (2021), *Politicized Cinema: Propaganda, Ideology and State Order in the Contemporary Russian Film Industry*, MA thesis, Jagiellonian University, Krakow.

Pop-Eleches, Grigore, Tucker, Joshua A. (2017), *Communism's Shadow: His-*

torical Legacies and Contemporary Political Attitudes, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Rivera, Sharon Werning (ed.) (2020), *Survey of Russian Elites 2020: New Perspectives of Domestic and Foreign Policy*, Clinton, NY: Hamilton College, <https://newsite.hamilton.edu/documents/SRE2020ReportFINAL.pdf> (accessed 3 April 2022).

Sanchez-Sibony, Oscar (2014), *Red Globalization: The Political Economy of Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*, Cambridge: Cambridge University Press.

Snegovaya, Maria, Petrov, Kirill (2022), Long Soviet Shadows: The Nomenklatura Ties of Putin Elites, *Post-Soviet Affairs*, Online first,

<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1060586X.2022.2062657?src=> (accessed 2 May 2022).

Sokolov, Boris, Inglehart, Ronald, Ponarin, Eduard, Vartanova, Irina, Zimmerman William (2018), Disillusionment and Anti-Americanism in Russia: From Pro-American to Anti-American Attitudes, *International Studies Quarterly*, 62 (1): 534–547.

Spufford, Francis (2010), *Red Plenty*, London: Faber and Faber.

Taylor, Brian (2014), From Police State to Police State? Legacies and Law Enforcement in Russia, in: Mark R. Beissinger, Stephen Kotkin (eds.), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 128–151.

The Federal Law (1996), *The Federal Law on State support of Cinematography in the Russian Federation*, 22 August, No. 126-FZ, <https://rgdoc.ru/en/industry/law/5960-the-federal-law-on-state-support-of-cinematography-in-the-russian-federation/> (accessed 3 April 2022).

Trochev, Alexei (2014), How Judges Arrest and Acquit: Soviet Legacies in Postcommunist Criminal Justice, in: Mark R. Beissinger, Stephen Kotkin (eds.), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 152–178.

Yakovlev, Andrei (2021), Composition of the Ruling Elite, Incentives for Productive Usage of Rents, and Prospects for Russia's Limited Access Order, *Post-Soviet Affairs*, 37 (5): 417–434.

Zweynert, Joachim (2018), *When Ideas Fail: Economic Thought, the Failure of Transition, and the Rise of Institutional Instability in Post-Soviet Russia*, Abingdon: Routledge.

Гельман В. Я., Обыденкова А. В.

**Изобретение «наследия прошлого»: стратегическое использование
«хорошего Советского Союза» в современной России**

Препринт М-92/22

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 12.05.2022.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.